

Психология совести

Ю.А. Антропов

Пензенский институт усовершенствования врачей Минздрава России

Резюме. Рассмотрена сущность феноменов совести, чести и стыда в норме. Представлена гипотеза их возникновения на основе инстинкта «общительности и взаимопомощи». Показана необходимость воспитания (привития) оптимальных форм проявления совести. Отмечено наличие социально зависимой флюктуации нравственного уровня населения. Дана феноменология патологии совести при пограничных психических заболеваниях, олигофрении, маниакально-депрессивном психозе, шизофрении, различных видах деменции.

Ключевые слова: совесть, честь, инстинкт взаимопомощи, нравственный уровень, анестезия совести, гипестезия совести, гиперестезия совести, извращение совести.

Psychology of Conscience

Ju.A. Antropov

Penza State Institute for Post-Graduate Medical Studies

Summary. The article considers the essence of the phenomena of conscience, honour and shame in the norm. The hypothesis of their origin is represented as based on the instinct of "sociability and cooperativeness". There shown is the necessity of bringing up the optimum forms of conscience. Highlighted is the presence of socially dependent fluctuation of the population's moral level. The article provides the phenomenology of conscience pathology in oligophrenia, border-line mental illnesses, manic depressive disorder, schizophrenia, different kinds of dementia.

Key words: conscience, honour, shame, cooperativeness instinct, moral level, anaesthesia of conscience, hypaesthesia of conscience, hyperesthesia of conscience, perversion of conscience.

Приходится с горечью признавать, что во второй половине XX и в начале XXI века в определенных слоях нашего общества постепенно выходит из обращения такая нравственная категория, как совесть. Далеко не всегда даже само слово «совесть» понимается адекватно сущности этого психологического феномена. Вряд ли можно считать правомерным определение совести, предложенное в последнем (4-м) издании Толкового словаря русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой: «Совесть – чувство нравственной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми, обществом». Это определение одного из значимых высших этических чувств цивилизованного человека, но это не определение совести. Совесть мучает человека не из-за несоответствия его поступка нравственным принципам окружающих людей, общества, а из-за несоответствия поступка собственным нравственным принципам. Несоответствие нравственным принципам окружающих людей и общества явление в нашей действительности довольно распространенное и потому не вызывает столь мучительных переживаний. Тогда как Л.Н. Толстой утверждал: «Я знаю в жизни только два действительных несчастья: угрыzenie совести и болезнь». И совершенно определено по этому поводу высказался А.С. Пушкин: «Презирать суд людей нетрудно, презирать суд собственный – невозможно». Пожалуй, в наибольшей степени отражает сущность совести определение, которое предложил в Толковом словаре Владимир

Иванович Даль: «Нравственное сознание, нравственное чутье или чувство в человеке; внутреннее сознание добра и зла, тайник души, в котором отзывается одобрение и осуждение каждого поступка, способность распознавать качества поступка; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее от лжи и зла; невольная любовь к добру и к истине; прирожденная правда, в различной степени развития». В данном определении с поразительной точностью отражены почти все элементы совести, но нет обобщающей характеристики её. Это и понятно, так как во времена В.И. Даля еще не было научно обобщенных представлений, которые давали бы возможность понять возникновение и сущность этого психологического феномена.

На тот факт, что в природу человека заложено нечто, определяющее как бы спонтанное проявление представлений об эталоне нравственности, впервые с позиций научного (априорного) познания обратил внимание Иммануил Кант. Он назвал этот феномен «моральный закон» и подчеркнул невозможность понять причину возникновения его. По словам И. Канта, размышление о моральном законе «наполняет душу всё новым и нарастающим удивлением и благоговением...». Хотя, конечно, о психологических особенностях юношеского возраста в общем плане упоминали многие. Еще Аристотель указывал, что юноши «склонны к пылким желаниям, преисполнены надежд». Отмечались и такие юношеские психологические «новообразования» (по терминологии Л.С.

Выгодского), как стремление к справедливости, к служению людям, к подвигам.

Современные эволюционные представления дают возможность утверждать, что в наследственную природу человека эталон нравственности («моральный закон») вложен действием особых биологических факторов, игравших значимую роль в процессе эволюции наших предков. Рассмотрим эти факторы.

Жизнь любого существа обеспечивается тремя кардинальными инстинктами: инстинктом самосохранения (сохранение биологической структуры), пищевым инстинктом (поддержание обмена веществ) и половым инстинктом (продолжение рода). В ситуациях, равнозначно стимулирующих проявление всех трех инстинктов, в большинстве случаев наиболее сильным оказывается половой инстинкт. Экспериментально доказано, что голодный кот во время спаривания не обращает внимания на появившуюся мышь. Родительский инстинкт (одна из разновидностей полового инстинкта: кормление потомства, его защита и т.д.) у животных заставляет их рисковать жизнью, защищая беспомощных детенышей. Есть основание полагать, что у особей, лишенных этого инстинкта, потомство не выживало. У стадных животных подобный тип инстинктивного «альтруизма» (общая защита, кормление) распространяется и на взрослых животных – на стаю, стадо, племя. И опять же отсутствие проявлений этого инстинкта у членов сообщества обрекает его (сообщество) в конечном итоге на вымирание.

На феномен «взаимопомощи» у стадных животных обратил внимание Чарлз Дарвин. Он считал, что естественный отбор (фактор прогрессивной эволюции) обеспечивается не только борьбой за существование («борьба каждого против всех»), но и инстинктом «общительности и взаимопомощи» («совместная борьба против чужих и помощь своим»). По мнению Ч. Дарвина, К.Ф. Кестлера и П.А. Кропоткина, этот инстинкт в дальнейшем, в процессе эволюции, явился основой человеческого альтруизма, основой нравственности. Имеется возможность проследить узловые моменты эволюции человека, определявшие возникновение инстинкта взаимопомощи и очеловечение его в виде основных принципов морали.

На определенном этапе эволюции наши предки перешли на прямохождение. В связи с этим сузилась таз женщин, что лишило их свойственной обезьянам способности рожать большеголовых детенышей. Поэтому дети стали рождаться с непрочным черепом и незрелой нервной системой и, следовательно, нуждаться в помощи родителей и всего племени более длительное время. Кроме того, женщины, сексуальная восприимчивость которых утратила сезонность, рожали детей весь детородный период их короткой в ту пору жизни. До зрелости же доживали в лучшем случае лишь двое-трое детей. И потому выживание и распространение племен зависело главным образом от успешной защиты потомства от хищников, от непрерывности кормления потомства и ухода за

ним. Всё это имело место на протяжении чрезвычайно длительного по времени периода дикости. Ведь наиболее древний представитель рода Homo – вид *Homo habilis* (человек умелый) жил, по данным М. и Д. Лики, 2,7 миллиона лет назад, а период человеческой цивилизации насчитывает всего лишь около 10 тысяч лет. Срок ничтожно малый по сравнению со временем дикости (периоды палеолита и неолита). В период дикости, исключительно трудного для человечества периода эволюции, появление возникшей на основе инстинкта общительности и взаимопомощи внутриплеменной спайки, самоотверженности взрослых особей, их «альтруизма» давало возможность потомству прожить необходимое десятилетие: от рождения до относительной самостоятельности. Как пишет П.А. Кропоткин, «среди очень многих человекоподобных видов, с которыми человек находился в борьбе за жизнь, выжил тот вид, в котором было сильнее развито чувство взаимной поддержки, тот, где чувство общественного самосохранения брало верх над чувством самосохранения личного, которое могло иногда влиять в ущерб роду или племени». Детеныши стай, орд, родов, племен с достаточно развитыми инстинктами и эмоциями, направленными не только на личную защиту, но и на защиту потомства, на защиту коллектива в целом, имели больше шансов выжить в условиях периода дикости.

Именно во время дикости происходило «очеловечение» инстинкта общительности и взаимопомощи. В результате этого процесса на глубинном (инстинктивном) уровне сформировался комплекс нравственных качеств, определяющих оптимальные (способствующие выживанию) межчеловеческие отношения. Этот комплекс представляет собой эталон общечеловеческой морали. Нейронные структуры, обеспечивающие его проявление в виде интуитивного отражения жизненной необходимости и значимости общечеловеческих нравственных качеств, могут быть названы «нравственной матрицей». Представляет интерес вполне закономерный, с нашей точки зрения, факт, что этот эталон совпадает с теми признаками, которыми характеризует В.И. Даль совесть. Наряду с чувством справедливости, правдивости, способности жертвовать своими интересами ради общих интересов в эталон входят и все нравственные качества, направленные на пользу общества (забота о детях, о немощных, о животных и т.д.). Как и другие структуры личности, глубинный нравственный комплекс возникает и формируется только при наличии социальной среды и лишь на определенном возрастном этапе (в подростковом возрасте). В возрасте, когда формирование ряда основных нравственных качеств под влиянием социума достигает необходимого уровня. Эталон нравственного комплекса и есть «моральный закон» И. Канта. Будучи феноменом главным образом генотипического порядка, «моральный закон» воспринимается так же, как и другие «социальные» инстинкты (сторожевой, гнездо-

вания), интуитивно-глубинным чувством, не требующим аргументации. Из всего вышеизложенного следует, что И. Кант был совершенно прав, утверждая, что «закон, живущий в нас, называется совестью». «Совесть, — уточняет И. Кант, — есть, собственно, применение наших поступков к этому закону».

Итак, в процессе длительного межличностного общения на основе инстинкта общительности и взаимопомощи сформировалась *нравственность*, одним из кардинальных проявлений которой является совесть. *Совесть* — это личностная структура, возникающая при нормальном развитии человека в подростково-юношеском возрасте на основе инстинкта общительности и взаимопомощи и определяющая способность интуитивно (глубинным чувством) соотносить свои собственные поступки и намерения (помыслы) с эталоном общечеловеческой нравственности («моральным законом» И. Канта). А если кратко, то *совесть* — это внутреннее чувство соотнесения своих собственных поступков и намерений с эталоном общечеловеческой нравственности. Следует учесть, что «совесть» и «стыд» — две стороны одного феномена. *Стыд* — это тягостное чувство, возникающее при несоответствии поступка индивиду эталоном межличностного нравственно-го комплекса («моральному закону»). Роль его в нравственном обеспечении поведения человека очень велика: «стыд запрещает порой то, что не запрещают законы» (Сенека). По поводу совести и стыда Ч. Дарвин писал: «Способность краснеть — самое характерное и самое человеческое из всех человеческих свойств». И далее: «...внушения совести в связи с раскаянием и чувством долга являются важнейшим различием между человеком и животным». Жизнь человека коротка, его поступки создают у окружающих, у детей представление об его нравственном облике. Надо помнить о этом, с тем чтобы за свои действия, за свою позицию в обществе не было стыдно смотреть им в глаза.

Нравственные начала у каждого человеческого индивида возникают на основе наследственных предпосылок и достигают социально адаптивного уровня лишь в том случае, если среда обитания, в частности социальная среда, их востребует. Этому способствует этическое воспитание в семье, школе, обществе. Важным является наличие в детском, подростковом и юношеском возрасте индивида в его социальном окружении и информационном поле (телевидение, радио, кино, пресса и т.д.) привлекательных положительных образов, воплощающих идеалы нравственных межличностных отношений. В «докомпьютерное» время большую роль в нравственном формировании личности в подростково-юношеском возрасте играл этап так называемой «библиофагии» — «запойного» чтения произведений Вальтера Скотта, Майн Рида, Фенимора Купера, Александра Дюма, Александра Грина, Джека Лондона, Этели Войнич и других таких же книг, герои которых отличаются исключительно высоким нравственным уровнем.

Именно в этот период происходит формирование нравственного аспекта личности, включающего совесть. Заканчивается оно в основном к 19–20 годам, однако в зависимости от требований социальной среды нюансировка нравственного аспекта личности может продолжаться и позже (до 40 и более лет).

Нравственная палитра каждого человека имеет индивидуальные и неповторимые особенности, различна мозаика нравственных свойств. По-разному выражены и такие кардинальные нравственные качества, как совесть и чувство чести (*честь* — это сознание достойного соответствия своего образа жизни и своих поступков эталоном общечеловеческой нравственности, чувство собственной порядочности). В офицерской (и не только офицерской) среде дореволюционной России потеря чувства собственной порядочности — чести — ставила под вопрос возможность дальнейшей жизни. После поражения Белой армии оставшимся в Крыму офицерским частям угрожала позорная сдача в плен, многие из них предпочли сохранить свою честь, погибая на переполненных и расстреливаемых прямой наводкой судах.

Возвращаясь к нашим временам, следует отметить, что и у психически здоровых людей чувство чести и совесть могут быть недостаточно сформированными в связи с тем, что социальная среда не востребовала их. К сожалению, в последние десятилетия подростки и юноши практически перестали читать книги, в том числе перечисленные выше (почти полностью редуцировался этап «библиофагии»). Причиной этого является чрезмерное увлечение их многоканальным телевидением (далеко не всегда пропагандирующим высоконравственные принципы) и не всегда рациональное увлечение компьютерными играми и Интернетом.

Наблюдающиеся в последние десятилетия проявления девальвации совести выступают на фоне общего снижения нравственного уровня населения. Особенно это заметно в столичных городах и областных центрах. Бросается в глаза нарастающее в межличностных отношениях взаимное невнимание и неуважение, безразличие к бедам окружающих. Причин снижения нравственности много. Это и уничтожение нравственной элиты русского народа в годы революции и Гражданской войны, в годы коллективизации, сталинских репрессий, и Великая Отечественная война, и социальная аномия 90-х годов прошлого века, и переход социальной формации нашего государства на капиталистический уклад в наихудшем его варианте, и многое другое. Не случайно о нравственном дефиците нашего общества говорил в своем послании Федеральному собранию Президент страны. Вместе с тем имеет место социально зависимая флюктуация нравственного уровня населения. Если в начале XX столетия уровень нравственности населения России в целом можно оценить как достаточно высокий, то затем, после Октябрьского переворота, наблюдалось резкое падение его. До сих пор в нравственной палитре России со-

храняется весьма значимое тональное пятно вбухнувшего после революции и почти ставшего тогда нормой межчеловеческих отношений «все-российского хамства» (торжества «шариковых» и «швондеров»). При Советской власти, в период глобальной идеологической обработки населения по внедрению «Кодекса строителя коммунизма» (в своей основе содержавшего общечеловеческие нравственные принципы), отмечалось некоторое повышение нравственности населения и новое снижение её по указанным выше причинам в последние десятилетия. Из этого следует вывод о том, что проблема нравственного возрождения населения России (а она, безусловно, назрела) должна решаться мероприятиями воздействия на социум в общегосударственном масштабе.

В психиатрической клинике наблюдаются различные варианты патологии совести. Будучи одним из высших этических чувств, совесть подчиняется общей закономерности: при заболеваниях, для которых характерно снижение высших чувств, будут снижены и проявления совести (гипестезия совести). В частности, гипестезия совести типична для маниакального синдрома, наблюдающегося в рамках маниакально-депрессивного психоза, при шизофрении (гебефренической), при травматических, интоксикационных, сосудистых, соматогенных, реактивных и инфекционных психозах. При депрессивном синдроме (также наблюдающемся при многих психических заболеваниях) на фоне пониженного настроения нередко отмечается патологическое обострение совести - гиперестезия её, обычно угрызения совести по поводу поступков, имевших место в более или менее далеком прошлом. *Больной К., 43 лет, в депрессивной фазе маниакально-депрессивного психоза испытывал тяжелейшие угрызения совести и обвинял себя в воровстве («у родной матери!») в связи с тем, что, будучи ребенком, залез в погреб и съел хранившиеся там сливки.* Представляет интерес тот факт, что при маниакальной фазе маниакально-депрессивного психоза объективно наблюдающаяся гипестезия совести может сочетаться с эмоционально насыщенные утверждениями больного о своей необычайной совестливости и безукоризненной честности. Этот факт может быть рассмотрен с позиций предложенного известным украинским психиатром Я.П. Фрумкиным методологического принципа диагностики «сочетания – не сочетания» психопатологических симптомов (ипохондрические расстройства, например, сочетаются с депрессией и не сочетаются с манией и т.д.). Выявление «несочетаемости» симптомов вызывает необходимость проверки достоверности выявления этих симптомов или изменения квалификационной оценки их (например, не усиление или ослабление признака, а извращение его). Мания и гиперестезия совести – симптомы не сочетающиеся. Следовательно, заявление больного о своей «необычайной совестливости» связано не с гиперестезией совести, а с ошибочной трактовкой своих качеств, обусловленной бредапо-

добными (по классификации И.Ф. Случевского) идеями переоценки собственной личности.

В обыденной жизни и в психиатрической практике сравнительно нередко встречаются люди, отличительным качеством которых является недостаточность совести – гипестезия совести. По-видимому, есть основание включить в классификацию акцентуаций личности соответствующую категорию – «гипосовестливых». Это вариант акцентуации, конгруэнтной асоциальной психопатии по гипестезии совести, наблюдающийся, однако, у лиц, социально адаптированных в нашем, не отличающемся особой порядочностью межчеловеческих отношений, обществе. В обществе, терпимо относящемся ко лжи на любом уровне, к плутовству, к «распилам», «откатам» и другим «милым забавам», присущим нашей действительности и так часто привлекающим в последние десятилетия внимание населения.

Гипестезия совести, возникающая из-за отсутствия в период формирования личности социальной востребованности её (погрешности воспитания, взросление в асоциальной среде), представляет собой одно из проявлений патологического развития. При асоциальной психопатии в психической сфере человека не формируется эталон нравственного комплекса («моральный закон») и потому отсутствуют совесть и стыд (по аналогии с соматическим уродством – например, с амелией). Гипестезия совести наблюдается при возбудимой и эпилептоидной психопатии. В личностной структуре астенической психопатии одной из значимых особенностей дисгармоничности является гипестезия совести. При недостаточном энергетическом обеспечении психической деятельности утрированная совестливость «принуждает» пациента стремиться выполнить фактически невыполнимый объем работы. Это приводит к психическим перегрузкам, а перегрузки - к декомпенсациям. При истерии в большинстве случаев имеет место гипестезия совести, однако нередко на фоне гипестезии совести наблюдается и демонстративная гиперестезия её. Специфичны в нозологическом плане особенности гиперестезии совести, наблюдающейся при психастении. Особенности её заключаются в том, что утрированная совестливость проявляется без учета имеющихся реалий, в отрыве от них. Требования совести рассматриваются личностью с позиций безусловного идеала. *Пациент М., 34 лет, поступил в клинику с диагнозом «психастения». Вернувшись домой после длительной и трудной командировки, он заявил жене, с которой прожил 7 лет в гармоничном счастливом браке, о своем намерении подать документы на развод. Мотивировал свое решение тем, что его жена достойна иметь своим мужем человека, гораздо лучшего по характеру и другим личностным качествам, чем он. Уговорам жены, убеждениям родственников и друзей (со ссылками на возраст, на нереальность его замысла) не поддавался. При обследовании признаков подавленного настро-*

ния, идей самоуничтожения и других проявлений депрессии установлено не было. Основой выявленной у пациента сверхценной идеи явился психастенический вариант гиперестезии совести. После проведенного лечения (общеукрепляющие средства и рациональная психотерапия) полная реконвалесценция.

При олигофрении в степени идиотии совесть не формируется в связи с отсутствием или недостаточностью нервных структур, воспринимающих социальные стимулы её возникновения. В поведенческих реакциях при идиотии обычно не обнаруживается проявление и инстинкта общительности и взаимопомощи. При имбецильности и дебильности совесть выражена главным образом в биологически значимых нравственных категориях: справедливость «распределения», конкретная правдивость, забота о детях, о животных и так далее. Выраженность более тонких форм совести (недопустимость присвоения найденной вещи, проявления неблагодарности и тому подобное) находится в обратно пропорциональной зависимости от глубины умственного недоразвития.

Входящая в комплекс нозологических признаков шизофрении постепенно нарастающая эмоциональная дефицитарность касается всей эмоциональной сферы, включая и совесть. Типичными для шизофрении являются также паратимии, в частности, извращения совести («парестезия совести»). Больной Ф., страдающий шизофренией, отказывается есть в присутствии родителей, мотивируя тем, что ему это делать стыдно. В

то же время «не держит белья» и ходит абсолютно голым, совершенно никого не стесняясь, физически оправляется в присутствии посторонних.

Деменции различного генеза представляют собой психическое разрушение, в том числе и разрушение нравственное. Как это наблюдается и при распаде других психических функций, прежде всего страдают наиболее поздние в фило- и онтогенезе психологические новообразования. В нравственной иерархии наиболее поздним новообразованием является совесть. Поэтому она страдает в первую очередь. За ней следуют честность, тактичность, вежливость и так далее. В таком примерно порядке и происходит нравственная деградация личности при алкоголизме, при формировании других деменций. Различия в структуре нравственной деградации при различных заболеваниях зависят главным образом от сочетания указанных нравственных нарушений и нозологической симптоматики.

Такие психологические феномены, как совесть и чувство чести, представляют собой атрибуты личности психически здорового цивилизованного человека. Отсутствие или недостаточную выраженность их следует рассматривать либо как низкий уровень социализации человека (невоспитанность, социальная запущенность), либо как в той или иной степени выраженную психопатологию. Клинические проявления патологии совести являются объективной реальностью и могут служить дополнительными диагностическими критериями при распознавании психических заболеваний.

Сведения об авторе

Антропов Юрий Андреевич — д. м. н., профессор кафедры психиатрии Пензенского института усовершенствования врачей. E-mail: antropov.jur@yandex.ru